

Содержание

К читателю.....	7
Введение	9
Глава 1. Консерватизм на Западе: основные тенденции современного развития	14
Консерватизм как политическое течение: непременные ценности и неизбежные перемены	14
<i>Многообразие понятий консерватизма</i>	<i>14</i>
<i>Основные ценности консерватизма: современная интерпретация</i>	<i>17</i>
<i>Эволюция партийно-политических систем и развитие консерватизма</i>	<i>21</i>
<i>Политический консерватизм и христианская религия</i>	<i>29</i>
Основные черты современного политического консерватизма на Западе.....	32
<i>Социально-экономическая политика современного западного консерватизма.....</i>	<i>32</i>
<i>Размежевания внутри консерватизма</i>	<i>42</i>
Вызов нового консерватизма.....	53
<i>«Культурный консерватизм» в новых условиях.....</i>	<i>58</i>
<i>Консерватизм и проблема иммиграции</i>	<i>61</i>
<i>Консерватизм и внешняя политика</i>	<i>64</i>
Перспективы противостояния в консервативном лагере.....	67
Глава 2. Национальные модели консерватизма.....	76
Консерватизм в Германии.....	76
<i>Консервативная традиция в германской политической мысли</i>	<i>76</i>
<i>Возникновение и основные особенности германского консерватизма ...</i>	<i>76</i>
<i>Консерватизм в Германской империи.....</i>	<i>78</i>
<i>Германский консерватизм между двумя мировыми войнами</i>	<i>82</i>
<i>Консерватизм после Второй мировой войны</i>	<i>88</i>
<i>Консерватизм в политической жизни Германии (1945–2015)</i>	<i>93</i>
<i>Путь к становлению современного политического консерватизма.....</i>	<i>93</i>

Коалиционный ресурс	100
Эволюция ХДС и союз с ХСС	103
Консерватизм во Франции	110
Исторический очерк	110
Консерваторы от Четвертой республики	
до конца правления де Голля	116
Консерватизм в постголландский период (1969–2002)	121
Неоконсерватизм и «новые правые»	124
Крайне правые. Национальный фронт	127
Консервативный лагерь в период с 2002 г.	130
Консерватизм в Великобритании	136
Исторический очерк	136
Современный британский консерватизм	141
Другие консерваторы: Партия независимости	
Соединенного Королевства	160
Консерватизм в США	162
Специфика американского консерватизма	162
Типология американского консерватизма	165
Консервативные волны в США	179
Консерватизм в Испании	189
Исторический очерк	189
XX век: торжество и крах реакции	195
Переход к современному консерватизму	198
От Народного альянса к Народной партии: эпоха Фраги Ирибарне ..	202
Идеология Народной партии:	
между консерватизмом и либерализмом	207
«Народники» и социалисты: консенсус и различия	211
Консерватизм в Италии	213
Исторический очерк	214
Консерватизм в Первой республике	218
Консерватизм во Второй республике	222
«Вперед, Италия!» и другие консерваторы	226
Глава 3. Российский консерватизм глазами экспертов	237
Российский консерватизм на современном этапе	237
Предыстория: прерванная традиция	
политического консерватизма	237
Запрос на консерватизм	240
Консервативное наследие	244
«Красные» и «белые»: отряды российского консерватизма	252
Консерватизм в полтике	256
Консерватизм и национализм	258
Сопоставление российского и западного консерватизма	258
Союзники и оппоненты консерватизма	262
Социальная база консерватизма	264

<i>Консерватизм и либерализм</i>	264
Политические программы российского консерватизма	265
<i>Консервативные декларации</i>	265
<i>Программные установки российского консерватизма</i>	269
<i>Образ будущего</i>	269
Государственное устройство и политическая конкуренция	273
Верховенство права	275
Экономика	276
Социальная политика	278
Сфера «культурного консерватизма»	280
Глава 4. Консерватизм для развития: концепция для гражданского общества	282
Уроки консерватизма: мировой и отечественный опыт	285
Возрождение российского консерватизма: ресурсы и проблемы	286
К концепции «консерватизма для развития»: подходы и принципы	289
Целеполагание развития	292
<i>Государство</i>	293
<i>Верховенство права</i>	296
<i>Экономика</i>	297
Государственное или частное?	299
«Свое, национальное», или Вписывание в глобальную экономику?	300
Как поставить частную инициативу на службу стране?	300
<i>Социальное государство</i>	302
<i>Человек — семья — мораль — культура</i>	303
<i>Гражданское общество</i>	306
Приложение	310
Список экспертов — респондентов исследования	310
Библиография	314

К читателю

Консерватизм и развитие: нет ли тут противоречия? На самом деле, каждому человеку присущи как желание сохранить все то, чем он дорожит: будь то круг своих родных и близких, ценности и принципы или нажитые материальные блага, — так и понимание того, что жизнь не стоит на месте, а значит, сохранение главного и важного требует новых подходов, оценок и, наконец, действий. То же справедливо и для больших сообществ людей и государств.

Консерватизм в политике — и это убедительно показано в предлагаемой вашему вниманию книге — всегда стремился сберечь прошлое, противился революционности и радикализму. Но именно поэтому мудрые консерваторы понимали две простые истины. Во-первых, необходимость, отвечая на вызовы времени, создавать новые формы для традиционных ценностей. Во-вторых, ради сохранения стабильности, искать согласия со всеми, кто разделяет их стремление к недопущению острых политических и социальных конфликтов. Иными словами, добиться своих политических целей консерватизм может только вместе со всем обществом — и в этом его главный политический смысл. Там где консерваторам удавалось выдержать эти принципы, все общество и сохраняло историческую традицию, и двигалось вперед.

И напротив, если сохранение превращалось в реакцию или консерваторы слишком держались старых форм, проигрывали и они, и страна.

Известна формулировка французского классика политологии Франсуа Гогеля про «партию порядка» и «партию движения», конкуренция которых и создает долгосрочную стабильность общества. У нас в России — и исторически, и сегодня — обе эти функции сосуществовали внутри правящей элиты, и когда они находили согласие, страна шла вперед и избегала революционных взрывов. Нарушение этого баланса навлекало на нее неисчислимы беды.

Сегодняшней России обязательно нужен современный консерватизм — и для того чтобы излечить болезни затянувшегося переходного периода, и чтобы заложить фундамент общественного согласия относительно будущего России, бережно хранящего традиции и, в то же время, дающего ее гражданам возможность свободного и творческого развития. Это лучшая гарантия и подлинного суверенитета страны, и ее успешности, и современности.

В книге обобщены исторический опыт западного консерватизма и взгляды современных российских консерваторов. Мы полагаем, что особую значимость ей придают комментарии, суждения, интерпретации различных сторон теории и практики консерватизма, принадлежащие пятидесяти уважаемым экспертам — российским и зарубежным. Это люди очень разные по своим взглядам, профессиям, опыту, но в описанных выше главных характеристиках консерватизма они едины.

Мы надеемся, что представленная в книге концепция «Консерватизм для развития» станет основной для широкого общественного диалога о путях развития страны и согласия широких слоев гражданского общества во имя ее процветания.

*Игорь Буниц,
президент Центра политических технологий,
доктор политических наук, профессор*

Введение

Настоящая монография представляет результаты исследовательского проекта, реализованного в 2014–2015 гг. Центром политических технологий в рамках гранта «Разработка концепции „Консерватизм для развития“ как основы общественного согласия в России».

Замысел исследования состоял в том, чтобы сопоставить идейную базу и политическую практику современного политического консерватизма на Западе, отследив тенденции его развития и общественно-политические факторы, определяющие его развитие, и возрождающееся консервативное течение в России. На базе этого сопоставления предложены наиболее значимые, с нашей точки зрения, положения концепции «Консерватизма для развития», которые могли бы служить основой для диалога гражданского общества о путях развития России.

Предметом исследования являлись политические партии и движения в странах Запада, исповедующие ту или иную форму консервативной политической идеологии. Объект исследования — видоизменения в консерватизме и размежевания внутри консервативного политического лагеря, происходившие в последние десятилетия, объективные и субъективные факторы, обусловившие эти изменения, а также сценарии политической

конкуренции между консервативными политическими силами в общем контексте западной политики.

Цель исследования зарубежного консерватизма состояла в выявлении общей логики развития политического консерватизма в современных условиях. Наша исходная гипотеза, опиравшаяся на философское наследие и политическую практику зарубежного консерватизма, состояла в том, что его основная функция — стремление сохранить главное в ценностном капитале современного ему общества, гибко адаптируя политическую форму, чтобы обеспечить поступательное, эволюционное развитие этих ценностей в будущем. По этой причине консерватизм оказывался способным выполнять роль модернизирующей и развивающей общество политической силы. Из рассмотренных нами примеров это относится к восстановлению экономики и государственности стран, потерпевших поражение во Второй мировой войне (Германия и Италия), переход от диктатуры к демократии (Испания), преодоление острого политического кризиса (Франция), комплексная программа экономической и политической модернизации (Бразилия), переопределение понятия «эффективная экономика» (все страны, но в особенности США и Великобритания). Важнейшей политической реформой, совершенной консерваторами или при их активном участии, стало создание модели «государства всеобщего благоденствия». Но оборотной стороной таких изменений оказывались расколы и размежевания внутри консерватизма, отражавшие слишком резкие изменения в западных обществах и кризис доверия общества системным политическим силам.

Выявленные обзором тенденции зарубежного консерватизма содержат ценный опыт политической практики консервативных политических течений, реализации политических ценностей. Этот опыт может быть полезен отечественным консерваторам и российскому гражданскому обществу в целом при выстраивании модели «консерватизма для развития» и укрепления общественного согласия в нашей стране.

Эмпирической основой исследования зарубежного консерватизма стало 21 глубинное интервью с экспертами из шести стран: политиками и общественными деятелями, политологами, философами, которые предложили экспертные оценки и интер-

претации процессов, происходящих в консервативном политическом лагере. Пятеро из них — политики или общественные деятели (занимают или занимали места в парламентах или министерские посты), остальные — академические эксперты, хотя многие из них также занимаются общественной, консалтинговой или журналистской работой. «Специалистами по России» являются лишь четверо из них, поскольку приоритетной задачей являлось изучение именно западного опыта консерватизма. По своим воззрениям подавляющее большинство экспертов, в том числе практически все академические специалисты, «нейтральны», что обеспечивает объективность их взглядов и естественно для западных научных деятелей. Из политических фигур трое принадлежат к «мэйнстримным» консервативным силам, двое — к политическим силам, известным на Западе как «новые правые», а в российском дискурсе часто характеризующимся как подлинно консервативные.

Кроме того, при написании обзора использовались материалы по национальным моделям консерватизма, подготовленные в рамках реализации того же исследовательского проекта.

Аналитическое обобщение опыта современного политического консерватизма на Западе составило **Главу 1** настоящей монографии, а описание шести национальных моделей развития консерватизма — **Главу 2**.

Предметом исследования отечественного консерватизма стало не все его наследие — в рамках подобного проекта это вряд ли было бы возможным. Нас интересовало, скорее, «состояние умов» российского политического класса по данной проблематике, т.е. экспертное мнение российских ученых и общественных деятелей о российском консерватизме в целом и его политической доктрине в особенности. Эмпирической основой исследования российского консерватизма стали 30 глубинных интервью с российскими экспертами — философами, политологами, социологами, общественными деятелями. Примерно половина экспертов — по собственному определению или содержанию высказанных суждений — являются сторонниками консервативных взглядов и в тексте именуется **экспертами-консерваторами**. Другую часть представляют не разделяющие этих взглядов **независимые эксперты** — специалисты из сфер фундаменталь-

ной и прикладной науки, а также высшей школы. Такое деление достаточно условно, поскольку многие эксперты-консерваторы также работают в научной сфере или высшей школе, имеют научные степени и звания. По большинству обсуждавшихся тем можно проследить как сходства, так и различия в подходах между этими категориями экспертов.

Цель исследования состояла в выявлении основных характеристик возрождающегося российского консерватизма через анализ экспертных мнений о состоянии общественного запроса на консерватизм, оценку экспертами актуальности интеллектуального наследия российского консерватизма, его основных «отрядов» и социальной базы. Отдельный предмет исследования — «медианная» позиция отечественных консерваторов по основным проблемам российской политики. Исследование показало, как тяжело возрождается консерватизм после разрыва его исторической традиции, и в то же время выявило сохранность его лучших традиций и интеллектуального наследия. Подавляющее большинство наших экспертов адекватно оценивают нынешний этап развития консервативной теории, признают необходимость встраивания этой теории в реалии сегодняшней страны. Однако не могут не сказываться и разрыв в традиции, и оторванность теорий от практики политического процесса в целом и политической конкуренции в частности. Цельной политической программы, тем более — завершенного «образа будущего», т.е. целеполагания консерваторов, к настоящему времени не сложилось.

На основе обобщения этого опыта, а также анализа современных тенденций развития западного консерватизма нами были сформулированы положения концепции, точнее — основные подходы к формированию программы развития России. Концепция «Консерватизм для развития», созвучная опыту современного мирового консерватизма и соответствующая российским условиям, следует ключевым ценностям консерватизма, в первую очередь — стабильной и сильной государственности и органичности развития страны. На ее основе возможен широкий диалог различных политических сил и гражданского общества.

Приведенные в книге цитаты из интервью с российским и зарубежными экспертами не проверялись авторами; ответственность за их корректное воспроизведение лежит на редакторе на-

стоящей книги. Цитаты приводятся в ней в обобщенном виде, без атрибуции авторам. В тексте они выделены *курсивом*.

Книга написана авторским коллективом в составе: *Б.И. Макаренко*, председатель правления Центра политических технологий — руководитель и ответственный редактор, главы 1, 3, 4; авторы страновых разделов в главе 2: *В.Н. Гарбузов*, доктор исторических наук, зам. директора Института США и Канады РАН — США; *В.П. Любин*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН — Италия; *А.Ф. Филиппов*, доктор социологических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ и *А.В. Макаркин*, вице-президент ЦПТ — Германия; *А.В. Макаркин* — Испания; *Н.В. Назарова*, ведущий специалист ЦПТ, кандидат исторических наук — Франция; *А.Г. Ивахник*, руководитель департамента ЦПТ, кандидат исторических наук — Великобритания.

Авторский коллектив выражает благодарность президенту Центра политических технологий И.М. Бунину и декану факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики» А.Ю. Мельвилю за их советы и суждения, без которых эта книга вряд ли стала бы возможной. Мы признательны всем российским и зарубежным экспертам, которые уделили нам время и поделились своими опытом и знаниями.

Мы также благодарим за разностороннюю помощь и участие в работе над проектом сотрудников Центра политических технологий А.Л. Бардина, Л.Г. Васильеву, Р.В. Ларионову, В.Б. Макаренко, Т.А. Становую, Д.М. Хенкину.

Консерватизм на Западе: основные тенденции современного развития

Консерватизм как политическое течение: непременные ценности и неизбежные перемены

Многообразие понятий консерватизма

Описание и анализ консерватизма представляется сложной исследовательской проблемой¹, поскольку отсутствуют и основательно разработанная и достаточно обоснованная теория консерватизма, и само понятие «консерватизм», пригодное для характеристики как явления в целом, так и его разнообразных типов и вариантов. Это приводит к значительному разбросу концепций и суждений (Рахшмир, 1986, с. 7; Рахшмир, 1989, с. 200–201; Гарбузов, 1995, с. 33–59; там же, с. 60–68; Гарбузов, 1997, с. 136–162). Под консерватизмом могут пониматься и политическое течение, и форма идеологии, и образ мышления, и умонастроение, и стиль поведения, ориентированные на защиту традиционных устоев общественной жизни, незыблемых ценностей, противоречащие резкому обновлению и радикальным новациям (Политология. Энциклопедический

¹ Во введении использованы материалы из доклада по консерватизму в США, написанного в рамках настоящего проекта В.Н. Гарбузовым.

словарь, 1993, с. 139–141). Такое определение подразумевает, что «для каждой социально-культурной и политико-экономической традиции объектом сохранения оказываются совершенно различные, а зачастую противоположные и враждующие комплексы идей, ценностей, идеалов» (Пияшева, 1988, с. 78). Именно поэтому на протяжении десятилетий «консервативными» назывались самые несхожие идеологические и политические течения.

Общепризнанным «пророком консерватизма» считается английский политический деятель, философ и публицист Эдмунд Бёрк (1729–1797). В 1790 г. вышла в свет его книга «Размышления о революции во Франции», в которой впервые были сформулированы главные принципы консерватизма (Бёрк, 1993). Выступая противником идей европейского Просвещения и Французской революции, Бёрк доказывал, что общественная жизнь основывается на традициях, обычаях, моральных и материальных ценностях, унаследованных от предшествующих поколений и взаимосвязанных между собой. Стабильность, равновесие, постепенное обновление — вот принципы, которым, по мнению философа, должно следовать общество.

Сам термин «консерватизм» впервые был употреблен французским писателем Франсуа Рене де Шатобрианом (1768–1848), который в 1818 г. стал издавать журнал «Консерватор». С тех пор слова «консерватизм» и «консервативный» не имели четких значений и употреблялись произвольно как в Старом, так и в Новом Свете.

В своей классической работе «Консерватизм как идеология» С. Хантингтон выделил следующие основные компоненты консервативной идеологии, отметив, что в основе своей они были определены еще Э. Бёрком:

- Человек представляет собой «религиозное животное». Сама религия, составляющая основу гражданского общества, придает законность существующему социальному порядку.
- Общество есть естественный и органический продукт исторического развития. Существующие в нем институты и учреждения воплощают мудрость прошлых поколений. Право и правовые институты поэтому следует рассматривать как функцию времени.

- Наряду с разумом человек обладает инстинктами и эмоциями. Осторожность, предрассудки, опыт и привычки являются лучшими руководителями человека, нежели разум, логика, абстракция и метафизика. Истина существует не в универсальных положениях, а в конкретном опыте.
- Сообщество людей выше, чем индивидуум. Человеческие права вытекают из их обязанностей. Зло коренится в самой человеческой природе, а не в социальных институтах.
- Люди (за исключением их отношения к нормам морали) не равны. Так как общественный организм представляет собой сложную систему, включающую в себя различные группы и классы, то дифференциация, иерархия и руководство являются неизбежными спутниками всякого гражданского общества.
- Уже существующий, однажды установленный государственный строй со всеми своими изъянами имеет преимущества по сравнению с любыми новыми, еще не испытанными проектами. Поэтому всякие попытки устранить его недостатки обычно приводят к еще большим недостаткам (Huntington, 1964, p. 359).

Исходя из этих положений, Хантингтон понимает консерватизм как «обоснование существующего строя, основанного на истории, Боге, природе и человеке», это не просто отсутствие изменений, а отчетливое и систематическое сопротивление им» (ibid, p. 358–359).

Последующие изменения в социальной базе консервативной идеологии (от европейской феодальной аристократии к буржуазии и т.д.), смена объекта консервации (от «старого режима» к раннебуржуазным рыночным отношениям, а от них — к регулируемому государством капитализму и т.д.) приводили к серьезным смещениям и в содержании самого понятия. С переменами, происходившими в общественной жизни, изменялось и оно, приобретая ранее несвойственные ему черты и характеристики. Это в конечном счете и заставило многих западных исследователей отказаться от однозначной трактовки рассматриваемого феномена и прийти к необходимости более дифференцированного, а значит, и усложненного подхода к нему.

Основные ценности консерватизма: современная интерпретация

Предмет настоящего исследования — не консерватизм как таковой, а политические силы (партии и общественные движения), которые связаны с консервативной идеологией. В ценностном наполнении их программ можно выделить общие ценности и отличительные черты, сложившиеся в иные исторические эпохи, но с видоизменениями сохранившиеся и до наших дней.

Сильное государство. Консерваторам, во главе которых стоят высокостатусные фигуры, привычно считать себя «естественной партией власти», проводниками высших интересов государства и общества. Наиболее универсальная характеристика силы государства — его высокая дееспособность и эффективность, полноценный суверенитет. Важно, что для западных политий сильное государство подразумевает верховенство права. С этим связана и ценность порядка, которая в трактовке С. Хантингтона рассматривается в качестве средства достижения эффективности как условия нормально функционирующего общества (Crozier et al., p. 45). Но уже при большей конкретизации это понятие становится чрезвычайно многоплановым.

Приверженность религиозным и моральным ценностям. Ценностная основа в консервативной политике сильнее, чем у других идеологических течений, поскольку основана не на рациональных, а потому подверженных волатильности и оппортунистическим колебаниям, а освященных религией ценностях. Имея в качестве электоральной опоры более религиозных людей, чем их оппоненты, консерваторы в политике сильнее связаны религиозной и моральной традициями. Даже на современном этапе консерваторы, как правило, идеологически более последовательны, чем большинство их оппонентов, по крайней мере из крупных политических партий. Вместе с тем консерваторы в политике остаются в рамках светских институтов, прагматично учитывая факторы религии и общественной морали в своей повестке дня.

Видение общества как органичной структуры. Сами консерваторы любят подчеркивать целостность и органичность общественной структуры, отрицают неизбежность классовой борьбы и острых социальных конфликтов, тем более — любую революционность. С государственностью эта ценность связана тес-

нейшим образом: консервативная традиция, восходящая к Бёрку и де Местру, подразумевает, что «конституционное устройство работает, только если отражает истинные настроения сообщества» (Schlesinger, 1949, p. 240). Консерваторам присущи основанное на христианском учении ощущение несовершенства мира и человека, недоверие к переменам. Отсюда — ценность *иерархии*: сохранение привычного устройства мира для них подразумевало и незыблемость, если не святость неравенства, иерархического устройства общества, в котором главная ответственность и право принимать решение принадлежат высокостатусным людям.

В прошлые исторические эпохи консерваторы часто оказывались противниками демократизации, расширения избирательных прав, были совместимы с откровенно корпоративистскими недемократическими режимами. Современные консерваторы (особенно в Германии и Италии) крайне болезненно относятся к вопросу о заимствовании правыми тоталитарными режимами существенных элементов консервативной идеологии и отмежевываются от современных крайне правых политических сил. Напротив, для независимых исследователей консерватизма такая связь очевидна². В корпоративизме, в том числе его тоталитарных инкарнациях, присутствуют важнейшие концептуальные конструкции, выработанные именно консерватизмом, освященные авторитетом папских энциклик и телеологической этикой католицизма. Главные из них — отрицание неизбежности классовых конфликтов и жестко закрепленные социальные роли в едином государственном механизме (т.е. иерархическое устройство общества). Корпоративизм всегда апеллирует к традиции, национальному единству, регулирует сферу общественной морали и семейных отношений, враждебен политической оппозиции и инакомыслию, грешит национализмом, освящает неравенство, в том числе — доминирование мужчины в семье, а антисемитизм был глубоко укоренен в консервативной традиции вплоть до Второй мировой войны и Холокоста. В современных условиях подобная установка консерваторов входит во все более острый конфликт сценностями **недискриминации, толерантности, эгалитаризма.**

² Подробнее эта тема изложена в Главе 2 (разделы по Германии, Италии, Испании).

Попытки стоящих у власти консерваторов найти компромиссные решения этих проблем воспринимаются частью консервативного сообщества как отход от основополагающих принципов консерватизма.

Ценность собственности. С иерархией связана еще одна ценность консервативной идеологии. В западном обществе консерватизм — это идеология и политическая программа имущих и образованных слоев общества. Им есть что терять как в плане собственности, так и социального статуса. Они заинтересованы в сильном государстве и дееспособных институтах (собственность, суд, вооруженные силы, защита правопорядка), которые способны сохранить этот статус и дать гарантии на будущее. Наконец, именно они являются носителями и хранителями нематериального наследия нации.

Социальная база, включая электоральную поддержку консерватизма как политического течения, гораздо шире этой дефиниции: в ней могут быть представлены самые разные общественные силы. Исторически к нему больше тяготеют патерналистские слои населения, занятые в сельском хозяйстве как более консервативной сфере хозяйственной деятельности и в большинстве западных обществ являющиеся клиентами патронов и «нотаблей» из старой аристократии. С развитием капиталистических отношений к ним могут добавляться городские средние слои, а также часть рабочего класса, находящегося под влиянием религиозных организаций и/или образованных ими профсоюзов. Но во главе этой политической коалиции всегда стоят интересы как традиционных (аристократия, землевладельцы), так и вновь возникающих (крупная буржуазия) имущих слоев общества.

Стремление к умеренности и центризму: консерватизм в системе политического плюрализма. В неконкурентных политических системах (как исторических, так и современных) власть, как правило, исповедует консервативные политические доктрины, поскольку настроена на сохранение существующего порядка и стремится держать все процессы изменений под жестким контролем. Там, где в XIX — первой половине XX в. возникала политическая конкуренция, она, как правило, не носила антагонистического характера: при неинклюзивном избирательном праве и консерваторы, и их соперники — чаще все-

го либералы — представляли имущие классы, а потому искали компромиссы, позволявшие удержать контроль над властью, не допуская к ней низы.

Из стран нашей выборки можно выделить те, где традиция политической конкуренции существовала уже тогда, когда консерватизм возникал как политическое течение, и не прерывалась до сегодняшнего дня (США и Великобритания), либо постепенно развивалась без существенных перерывов (Франция). В трех других странах развитие конкуренции носило сложный характер: Германия, Италия и Испания пережили разной длительности периоды правого тоталитаризма, и в каждой из его моделей можно найти существенные элементы консервативной идеологии. Важно отметить, что во всех трех случаях именно консерваторы стали ведущей (или одной из ведущих, как в Испании) политических сил, которые воссоздавали политическую систему после падения авторитаризма, уделив особое внимание вопросу гарантий от повторения авторитарного опыта.

Сохранение традиции. Казалось бы, эта характеристика и ценность консерватизма должна была открывать список ценностей, поскольку именно она отражает сущность и дает название и философии, и психологии «консервации». Однако представляется более правильным завершить ею данный перечень. Дело в том, что, при кажущейся определенности и ясности, *традиция* — понятие относительное. Традиции постоянно обновляются и открываются заново (Hobsbawn, Ranger, 1983; Democracy in a Russian Mirror, 2015). В консервативной традиции есть немало общих, наднациональных черт, связанных с христианской (особенно католической) религией и процессами исторического развития, однако традиция формируется не только ими, но и спецификой исторического и культурного развития страны, а потому носит национальный характер. Во-вторых, традиция всегда исторически конкретна, и консерватизм защищает сумму имеющихся на каждый момент ценностей и достижений, в первую очередь — интересов имущих классов. Наконец, в-третьих, в сохранении традиции всегда есть две составляющих — охранительная и развивающая; как отмечает в нашем исследовании авторитетный российский эксперт, традиция — *это не просто держаться двумя руками за старое, это предусматривает и движение с целью сохранить некую суть.*

Любые политики, стоящие у власти или борющиеся за власть, не могут не строить или реализовывать политического курса, ведущего страну в будущее. Отличие консервативного образа будущего в том, что консерватизм, во-первых, чаще других идейных течений ищет обоснования этого курса в прошлом и стремится сохранить то из прошлого, что считает важным; во-вторых, более сдержан и скептичен в отношении новаций; в-третьих, он более «национален», его основа — не универсалистский политический проект, как у либералов или социалистов, а морально-этические нормы и традиции, уникальные для его страны, тогда как все остальные факторы учитываются прагматически, с точки зрения их пригодности для национальной модели развития.

В таком положении — одновременно сила и слабость консерватизма как политического течения. Сила — в наличии ядра политической поддержки в лице сегментов общества, настроенных на стабильность и сохранение традиций, в гарантиях от слишком резких сдвигов при реформах, нацеленность на сохранение социального мира, порядка и стабильности. Слабости же — в риске запаздывания реформ, порожденного присущей консерватизму охранительной тенденцией, а также в подрыве собственной социальной базы в случае ошибок или слишком быстрого темпа реформ, затрудняющего адаптацию населения к их последствиям.

Эволюция партийно-политических систем и развитие консерватизма
Политическая позиция консерваторов зависит от структуры общественно-политических размежеваний, существующих в социальной и культурной структуре общества; трансляция этих размежеваний в партийно-политическое пространство определяет партийную систему и повестку дня политики страны.

Консерватизм как политическое течение возникал как реакция на последствия Великой французской революции и дополнялся размежеванием между централизирующим, стандартизирующим и мобилизирующим государством-нацией и исторически укрепившимися привилегиями церкви; в конфессионально многосоставных обществах оно усложнялось противостоянием католиков и протестантов. Именно с этого момента можно говорить о появлении консерваторов и либералов. Лишь позже, в ходе индустриальной революции, к нему стали добавляться конфликты между

земельными собственниками и промышленными предпринимателями и социально-экономические размежевания (Crozier et al., 1975, p. 45; Shugart, Carey, 1992, p. 4).

В эту эпоху, согласно Р. Далю, «[политическая] конкуренция предшествовала инклюзивности»³: становление «цивилизованной» конкуренции в политике стало возможным лишь потому, что противоречия между основными соперниками не имели антагонистического характера, а достижение компромисса между ними было сравнительно легким (Dahl, 1971, p. 203). В XVIII–XIX вв. круг имевших право голоса был ограничен имущими классами («богатыми и из хороших семей», по выражению А. Гамильтона), противоречия внутри которых менее остры по сравнению с их общим противостоянием с неимущими низами.

В такой системе политических координат консерваторы (в первую очередь крупная земельная аристократия) пытались противостоять угрозе своему положению, которую несли социально-экономические изменения, тогда как либералы выступали за свободу рынка, индивидуальные свободы, в том числе светский характер государства.

С распространением активного избирательного права на менее имущие слои населения главным становится уже социально-экономическое размежевание по оси «левые — правые». Прочие размежевания (на почве этничности, религии, места проживания) лишь дополняли эту картину. Соответственно, и ведущие политические силы позиционировались относительно этой шкалы. Характер воздействия этого противостояния на партийные системы не оставался неизменным. После революции в России угроза распространения коммунистической идеологии положила начало синтезу либералов и консерваторов и постепенному подключению социал-демократии к «системным» политическим силам. После Второй мировой войны стремление не допустить повторения трагического опыта тоталитаризма и «холодная война» побудили «системные» политические силы, особенно консерваторов, к переосмыслению основ экономической и социальной политики, что более подробно описано в следующем разделе.

³ Это правило Дали считал одним из ключевых условий становления полиархии — стабильной современной демократии.

Экономическое развитие в 60–80 гг. XX в. оказало огромное воздействие не только на экономику и социальную сферу, но и на структуру общественных размежеваний. Американский политолог Л. Пай сравнил этот процесс с «великой трансформацией» конца XIX — начала XX в., описанной Карлом Поланьи (Polanyi, 1944). Он указывал на резкое ускорение объемов мировой торговли в этот период (в среднем 13% в год по сравнению с 3% в предыдущие десятилетия) и еще более впечатляющий — в среднем на 28% в год — рост международных банковских транзакций. Эти процессы глобализации сопровождались качественными сдвигами в технологиях, средствах коммуникации, развитием образования (Pye, 1990, p. 5–7).

Ускорение экономического роста и порожденное противостоянием с коммунизмом стремление к сглаживанию социальных противоречий привело к строительству в западноевропейских странах (в меньшей степени — в США) «государства всеобщего благоденствия» — разветвленной системы социальной помощи и государственной поддержки сфер образования и здравоохранения. Эти функции ранее выполняли различные общественные силы, включая церковные общины и массовые политические партии (в том числе консервативные клиентелистские партии).

Этот сдвиг переопределил и социальную функцию семьи (вырастить или хотя бы прокормить и воспитать ребенка стало возможным и в неполной семье), и столь важное для консерватизма понятие солидарности: она стала в значительной степени строиться государством.

Ключевой причиной изменения в политических настроениях общества стал порожденный этими явлениями рост материального благосостояния, образования, урбанизации. На первый план в политической повестке дня стала выходить проблематика, привлекавшая новые, более образованные и благополучные слои общества, по сути — принципиальным образом расширившийся средний класс. Эта проблематика — более «просвещенная, либеральная и нацеленная на перемены» (Crozier et al., 1975, p. 109–110, 158), в ней более важное место занимают постматериалистические темы. Новая тематика повестки дня политической жизни включает:

- экологические проблемы: выбор между ростом промышленного потенциала и соблюдением жестких природоохранных стандартов;
- проблемы, порожденные массовой иммиграцией из стран третьего мира, и их социально-экономические последствия, дилеммы «мультикультурализма» и т.п.;
- моральные проблемы. Главная тенденция в этой области — резкое возрастание ценности *недискриминации* членов общества ни по каким основаниям: гендерным, этническим, конфессиональным, сексуальной ориентации;
- для Европы — темпы и содержание интеграции в рамках ЕС, критикуемой «справа» за ослабление национального суверенитета и засилье евробюрократии, «слева», особенно в последние годы — за принуждение к бюджетной экономии.

Все эти сдвиги не могли не вызывать серьезных подвижек в политическом позиционировании консервативных политических сил.

Знаковым явлением, акцентировавшим эти перемены, стал распад традиционных для Европы политических субкультур, один из ключевых водоразделов между которыми проходил между религиозными и светски настроенными сегментами граждан (Лейпхарт, 1997). Во Франции и Италии, в частности, католической субкультуре противостояла «пролетарская» (Michelat, Simon, 1977). Хотя религиозные граждане по-прежнему чаще голосуют за партии «правее центра», и ценностные ориентации, и конкретные политические предпочтения уже с 1970-х гг. перестают быть жестко детерминированными отношением избирателя к религии и церкви. Секуляризация и начало постиндустриального развития размыли прежние границы между субкультурами. С определенной долей условности можно говорить о становлении «субкультуры среднего класса», которая стала социальной опорой для центристских политических сил.

Не меньшее значение для конфигурации политических сил имели события 1968 г. Студенческие волнения и всеобщая забастовка во Франции и протесты против вьетнамской войны в США ознаменовали становление нового левого протеста на фоне, казалось бы, благополучной экономической ситуации. Нонконфор-

мистский бунт против истеблишмента стал поворотной точкой в утверждении новых моральных ценностей, включая область сексуальной культуры. Хотя после спада протестной волны политическое влияние «новых левых» сохранялось скорее как периферийное явление, именно с этого момента можно говорить о новой парадигме ценностей и становлении ценности *недискриминации* меньшинств как консенсусной для большей части общества, включая и консерваторов.

Изменения в социально-экономической сфере, вкупе как с технологическим прогрессом, так и ценностными сдвигами, оказывают многоплановое и сильное воздействие на партийно-политические системы.

Первое изменение — развитие демократии как «вширь» (во все большем числе стран), так и качественное углубление. Демократию критиковали всегда, современную демократию — как минимум 40 лет, с момента выхода классической книги «Кризис демократии» (Crozier et al., 1975), что никак не отменяет факта ее развития и совершенствования. По иронии судьбы эта книга вышла в свет именно тогда, когда начался процесс, который один из ее авторов через пятнадцать лет опишет как «третью волну демократизации» (Хантингтон, 2003). В результате этой «волны» конкурентные политические режимы и многопартийные системы появляются за пределами ареала «традиционного Запада»: от государств Латинской Америки и других стран третьего мира до посткоммунистического пространства.

В современных условиях в Европе, Латинской Америке (а все чаще — и на других континентах) консервативные политические силы не мыслят себя вне контекста политической конкуренции и демократической политики в целом. Свойственный многим консерваторам в прошлом политический стиль, подчеркивающий иерархичность, нетерпимость, ограничение активного избирательного права, недопустим для партий, которые рассчитывают на завоевание большинства избирателей.

Второе: с развитием демократии жестко очерченные идеологические позиции становятся не просто проигрышными, но невозможными. Как подчеркивалось в упомянутой выше классической работе, «в недемократической политической системе высшие руководители могут выбрать единую цель или набор

связанных целей... в демократии же такая цель не может быть произвольно задана "свыше"... она должна быть продуктом коллективных воззрений значимых групп общества на то, что составляет вызов их благополучию» (Crozier et al., 1975). Политическая конкуренция задает всем политическим силам жесткие правила борьбы за власть, что, в частности, требует от них адаптации к общественному запросу в целях завоевания и сохранения электоральной поддержки. Попадая в резонанс с «большинством», консерваторы чаще других политических сил вступают в конфликт с «меньшинством» в собственном лагере, поскольку последнему более присущи идеологичность и приверженность традиции и привычке.

И третье: политическая конкуренция и ставшие регулярными смены власти придали ускорение синтезу основных политических течений. Изначально он основывался скорее на негативных мотивациях: объединении статусных политических сил против крайностей — социальных низов, радикалов слева и справа. Но в последние десятилетия добавляется и позитивное измерение: многие начинания государства носят долгосрочный характер, особенно это касается политики в области здравоохранения, образования, пенсионной системы; в Европе с развитием интеграционных процессов национальные правительства к тому же связаны общими рамками фискальной политики. В этих условиях резкие повороты руля при смене правящей партии носили бы однозначно деструктивный характер, а потому различия между консерваторами и их оппонентами сглаживаются.

Вслед за этим изменения произошли и в партийных системах. Во второй половине XX в. эра массовых партий ушла в прошлое в силу сочетания нескольких причин: подъем постматериальных ценностей, становление «социальных государств», качественное развитие каналов коммуникации партий и политиков с обществом (телевидение, Интернет). Расширение зон политического консенсуса сделало приоритетом не акцентирование отличительных черт «своего» электората, а поиск наиболее выигрышных для различных категорий избирателей программ (Katz, Mair, 1995). Именно эти сдвиги привели к ослаблению традиционных идейно-программных идентичностей ведущих партий и появлению партий, которые чаще называют «всеохватными», в смысле «хватай

всех» (Kirchheimer, 1966, p. 177–200). Мы склоняемся к более точному понятию: «электоралистской» родовой категории партий, как сформулировано в наиболее современной типологии Гюнтера–Даймонда (Gunther, Diamond, 2003, p. 167–199). Такие партии ориентируются на более широкую аудиторию, создание универсально привлекательного для избирателей образа и немедленный электоральный успех. Партийные программы становятся похожими, а избирательные кампании направлены в большей степени на общие цели, а не на дискуссионные вопросы (Katz, Mair, 1995, p. 5–28).

Гюнтер и Даймонд выделяют внутри родовой категории «электоралистских» партий три их вида. Большая часть исторически консервативных партий становятся «программными»: современными, приверженными плюрализму и терпимости, с минималистской партийной организацией. От двух других видов — «чисто всеохватной» и «персоналистской» — их отличают, во-первых, более отчетливая, последовательная и фундированная программа, во-вторых, стремление к власти именно ради реализации этой программы и, в-третьих (это особенно заметно при пропорциональной избирательной системе) — более четко очерченная социальная база и связь с союзными организациями в гражданском обществе. В «персоналистских» партиях высока роль лидера, но этот феномен встречается лишь в странах с сохранившимися элементами корпоративистской традиции, например в Италии (С. Берлускони) или Бразилии (Ф. Коллор) (Gunther, Diamond, 2003, p. 167–199).

Достоинства такой модели партийного строительства для получения высокого электорального результата очевидны, однако их обратной стороной является разочарование «меньшинств» в потенциальном электорате, что, как указывалось выше, особенно чувствительно для консерваторов, сторонники которых медленнее адаптируются к переменам.

Второй изъян такой партийной модели — трудность выстраивания «коалиции поддержки», которая учитывала бы все более мозаичное переплетение традиционных общественных размежеваний (в первую очередь социального экономического) и новых, включая размежевания в области моральных ценностей. При взаимоналожении старых и новых размежеваний в целом сохраняет-

ся условная, но четко осознаваемая в каждой политике шкала «левые — правые» (Dalton et al., 2011, p. 90). Как отмечают исследователи, «сторонники индустрии» (т.е. оппоненты экологических партий) оказываются более консервативными по социальным и «постматериалистическим» вопросам (Lipset, 1981, p. 503–521; idem, 1993, p. 15), а либеральная позиция по вопросам гендерного равноправия коррелирует с показателем, отражающим левые взгляды на экономику (Dalton et al., 2011, p. 95).

Подвижки в структуре ценностей вызвали кризис устоявшейся системы политического представительства, привели к появлению «новых левых» и «новых правых» движений, бросающих вызов традиционным фаворитам политической сцены, в том числе традиционным консервативным партиям. Шире, речь шла о кризисе доверия старым партиям, первые признаки которого отмечали еще авторы «Кризиса демократии», писавшие, что «переход к постиндустриальной фазе развития... означает конец привычной партийной системы» и угрозу самому институту политического участия (Crozier et al., 1975, p. 91). Именно на этом этапе накапливавшиеся в предыдущие десятилетия сдвиги в ценностных ориентациях общества проявили себя в партийно-политическом поле, так как, по известной концепции Липсета–Роккана (Липсет, Роккан, 2004), изменения в партийной системе следуют за такими сдвигами с лагом примерно в одно поколение.

Главная общая черта этих новых партий — вызов истеблишменту в партийной системе. Их идейно-политические позиции — причудливый «микс» ценностей постиндустриальных, еще не нашедших должного (с точки зрения определенных сегментов общества) отражения в программах традиционных партий, и старых, которые оказались отодвинутыми на задний план. Последнее, подающееся как отход от основ и традиций, чаще преобладает именно у новых правых.

Противостояние старых и новых партий началось (по крайней мере, в некоторых странах) еще с 70-х гг. прошлого века, однако совершенно новое измерение оно приобрело после кризиса 2008–2009 гг. Его последствия «привели к обостренному ощущению разочарования народных масс и усугубили негативные тенденции политического развития... общественное недовольство демократией проявилось в подъеме популистских и протестных

партий, которые в Европе бросили вызов устоявшемуся политическому порядку» (The Economist Democracy Index, 2014).

Для консерватизма это противостояние означало раскол на «мейнстрим»: крупные партии, реально участвующие в борьбе за власть, и бросившие им вызов иные политические силы, в позиционировании которых присутствуют черты консерватизма.

Политический консерватизм и христианская религия

На консерватизм и как политическое течение, и идеологию сильное влияние оказывает процесс секуляризации, т.е. снижение роли религиозных воззрений и церковной организации на политическое и, отчасти, общественное поведение людей. Рождение консерватизма после Великой французской революции совпало с многократным усилением этого процесса благодаря трем разноплановым явлениям, наблюдавшимся в XVIII и первой половине XIX в.

Во-первых, это устойчивый экспоненциальный промышленный рост, приводивший к тектоническим сдвигам как в социально-экономическом укладе, так и общественных отношениях, причем более успешными оказывались те общества, в которых роль традиционных религиозных институтов в политике была меньшей. Во-вторых, это Просвещение, оказавшее глубокое воздействие на принципы политической и социальной организации общества. Еще Реформация привела к появлению в Европе религии, «которая устранила внешние санкции и ритуальные формы фиксации социального долга и... возложила на каждого индивида нелегкую обязанность быть для самого себя и духовником, и судьей» (Геллнер, 1995, с. 85). По сей день многие консерваторы рассматривают секуляризацию как то, что общество «проживает нравственный капитал» религиозности. Геллнер же полагает, что «в действительности оно живет благодаря компромиссу — сложному равновесию между верой и искренним сомнением... Полная реставрация былого “морального капитала” является для него практически невозможной... Новые классы и новая этика в значительной степени опирались на чувство новой религиозной общности. Со временем люди научились воздерживаться от демонстрации этих убеждений в общественной жизни, по крайней мере признали, что они не должны открыто влиять на политику» (там же, с. 149–155).

Процесс секуляризации затрагивал разные сферы: от лишения церкви земельных владений и отделения государства и школы от церкви до постепенного снятия запретов на развод, аборт и размытия доминирования мужчины в семье (по мере того как женщины уравнивались в гражданских правах с мужчинами и все чаще сами зарабатывали себе на хлеб).

Отметим вслед за М. Вебером, что политическая роль организованных религий зависит от их интересов, а не сущности, определяется «вовлечением религиозных организаций в интересы властей и борьбу за власть... а также потребностью действующих властей в освящении их легитимности» (Gerth, Mills, 1958, p. 337–338). С течением времени религия во все большей степени воспринимается обществом как вопрос частной жизни, а не политической. Столь же несомненно, что в обществе всегда есть и сегмент людей, следующих в своем общественном поведении наставлениям религиозных организаций или общин, и политики, сознательно работающие именно с этим сегментом электората.

Описанные выше явления последних десятилетий, прежде всего подъем городского среднего класса с более либеральными ценностями, ознаменовали переопределение рамок социального поведения и моральных норм. В первую очередь это привело к тому, что религиозные нормы и стереотипы общественного сознания перестали рассматриваться как легитимация неравенства по основаниям пола, этничности, вероисповедания и сексуальной ориентации. Отражением этих процессов стала новая социальная доктрина католицизма, принятая Вторым Ватиканским собором (1962–1965). Ее центральное положение — в том, что церковь должна оправдывать себя перед обществом своей социальной миссией, а не только как обладатель высшей истины, определяющей моральные нормы. Такие сдвиги приняты большей частью западных обществ (включая верующих людей и сторонников консервативных партий), но порождают острый конфликт с теми, кто придерживается традиционных, освященных церковью взглядов на вопросы морали.

Означает ли это упадок христианства на Западе? Как отмечают исследователи ценностей в различных обществах на основании регулярно проводящихся межстрановых исследований, «данные выявляют два противоречащих друг другу тренда. С од-

ной стороны, во многих промышленно развитых странах снижается посещаемость религиозных служб (а в посткоммунистических — некоторый рост). С другой стороны, наблюдаются подъем духовных чувств и сохранение значимости понятия «бог», т.е., по словам авторов, «преобладающие церкви сегодня оказываются не на той радиочастоте для многих жителей постиндустриальных стран» (Inglehart, Baker, 2000, p. 47–48).

То что происходит сейчас в западных обществах, в российском консервативном дискурсе часто называется «постхристианством»⁴, однако в свете вышесказанного корректнее было бы говорить о «постцерковности». Мы исходим здесь не из религиозной традиции, утверждающей устами Св. Киприана Карфагенского, что «вне церкви нет спасения», а из социально-политических реалий: современный западный христианин в своих религиозных убеждениях становится менее зависимым от церковной организации как в самой вере, так и в определении своего поведения в миру, в том числе — в политической, общественной и частной жизни, оставаясь при этом религиозным человеком.

Религиозная идеология формируется вне рамок партии, а потому консервативная партия, в отличие от других идейно-политических «семей», не обладает полным контролем над своими идейно-программными установками, если таковые связаны с религиозной моралью (например, в вопросах брака и развода, права на аборт, эвтаназии и т.п.). Это может создать конфликт между партией и церковью, но, с другой стороны, обеспечивает гетерогенность идейных установок внутри партии (Gunther, Diamond, 2003, p. 167–199). Добавим, что в условиях переопределения партийных систем, описанного выше, это с неизбежностью означает, что часть электората, для которого религиозные установки являются значимым мотивом политического поведения, отвернется от традиционных консервативных партий, что, в свою очередь, потребует иного представительства подобных интересов в политическом пространстве.

⁴ См., например: Современный консерватизм на Западе: Доклад портала Terra America // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. № 2 (2). — М., 2014. — С. 19–66. В анналах «Бердяевских чтений» этот термин употребляли также Б. Межуев, К. Бенедиктов, Д. Юрьев.

Основные черты современного политического консерватизма на Западе

Описанные выше сдвиги в социально-экономической сфере и ценностях общества ставят консерваторов перед многими новыми вызовами. И в прошлые эпохи консерваторы в политике не всегда объединялись в единую крупную партию: это было необходимо только в государствах с мажоритарной однотуровой избирательной системой. Однако размежевания внутри консервативного лагеря чаще отражали субъективные и личностные противоречия, но не носили принципиального идейно-политического характера. Отличие современной эпохи — более глубокое размежевание, позволяющее говорить о противостоянии «системного консерватизма» и бросивших ему вызов новых консервативных течений.

Темпы, масштабы и комплексный характер сдвигов, произошедших в последние годы, порождают напряжения и обостряют противоречия в консервативных ценностях и политических доктринах.

Социально-экономическая политика современного западного консерватизма

Мы начинаем обзор современных тенденций западного консерватизма с социально-экономической тематики по двум причинам. Во-первых, после Второй мировой войны эти проблемы становятся основными в деятельности консервативных партий. Представляется, что из сложного набора причин такого явления основными являются две. Это переопределение консервативных ценностей государства и органичности общества: они стали пониматься как эффективность и конкурентоспособность национальной экономики, что требовало укрепления рыночных начал и социального мира как гарантии от радикализма. Великая депрессия 1930-х, подъем тоталитарных государств и Вторая мировая война, активность коммунистического лагеря — все это свидетельствовало о кризисе как идейно-философских, так и государственно-управленческих моделей прошлой эпохи и необходимости поиска ответов на эти вызовы.

Во-вторых, синтез либерализма и консерватизма наиболее наглядно проявляется именно в социально-экономической сфере.

Такой синтез, точнее — конвергенция, не в этой сфере начался и никогда ею не ограничивался. Изначально зоной консенсуса между консерваторами и их политическими оппонентами было недопущение к борьбе за власть социальных низов, защита интересов имущих классов. Однако к середине XX в. вся экономика стала рыночной, противоречие между земельной аристократией и городской буржуазией превратилось в остаточное явление. Соответственно, появилась объективная возможность для достижения консенсуса имущих классов по социально-экономическим проблемам.

Концептуальную основу для такой «синтетической» либерально-консервативной платформы заложили не политики и не философы, а экономисты. Знаковыми событиями стали Коллоквиум Уолтера Липпмана (Париж, 1938), на котором немецкий экономист Александр Рюстов впервые употребил термин «неолиберализм». В 1947 г. создается общество Мон Пелерин, объединившее экономистов толка, впоследствии получившего названия «неолиберального», или «либертарианского». Кредо общества — свободный рынок и политические ценности открытого общества. В 1950 г. в это общество вступил Людвиг Эрхард, министр экономики Западной Германии, и его политика социальной рыночной экономики, получившая наименование *Ordoliberalism* (от названия журнала *ORDO*), стала первым опытом применения этих экономических концепций на практике.

Эта концепция, по сути, положила конец классическому либерализму и одновременно переопределила консерватизм. Либерализм отошел от своей традиционной концепции *laissez-faire*, признававшей за государством лишь минимальную роль в экономике. Общим кредо для консерваторов и либералов стали рыночная эффективность, неизбежность государственного регулирования и наличие у государства социальной функции. Существенную роль в утверждении этих доктрин в практической политике сыграла реализация плана Маршалла — «самой успешной в истории программы структурной перестройки экономики»⁵. Еще большую и со временем возрастающую роль

⁵ URL: <http://escholarship.org/uc/item/3b1108bj#page-3> (дата обращения: 17.06.2015).